

Владимир Гурвич

ОЗАРЕНИЕ

1

Дана сидела в кафе и ждала Марину. Та, как обычно, запаздывала. После того, как она заделалась крутым критиком и одновременно главным редактором журнала, такое поведение вошло у нее в привычку. Она как бы тем самым подчеркивала: я теперь успешный, обеспеченный человек, хочешь со мной как раньше дружить, терпи мои капризы. А не хочешь, так никто тебя и не неволит, можешь встать и уйти. Это целиком твое дело.

Дана сидела и не уходила. Аничкова была ей нужна, а потому выбора у нее по большому счету не было. Что она будет делать без нее, Марина для нее едва ли не единственная ниточка в мир большой живописи, престижных галерей и выставок. Некогда были туда и другие тропочки, но по разным причинам они все заросли. А это осталась, хотя и приходится терпеть закидоны подруги.

Дана подумала о том, как все непредсказуема жизнь. В художественной академии, где обе учились и где подружились, именно Дану считали

талантливой, подающей большие надежды, с едва ли не гарантированным прекрасным будущим. А вот Марина числилась среди самых посредственных студентов, никто ей ничего не предрекал. Даже пару раз хотели отчислить, но почему-то это и не произошло. Дана до сих пор не знает, что же ее тогда спасло, ведь проект приказа был уже готов. Но ректор его так и не подписал. Слухи ходили разные, но ни одного достоверного. Точнее, кому, что приходило в голову, тот то и болтал. Марина же упорно хранила молчание. Она вообще умела скрывать свои секреты даже от самых близких людей. И, Дана, не исключала, что это качество в немалой степени ей помогало успешно шагать по жизненной стезе.

После окончания академии, Марина не стала пробовать себя в качестве художника, взамен каким-то непостижимым образом устроилась на работу в самый престижный в стране журнал, освещающий темы художественного творчества. И вскоре обратила внимание на себя своими критическими статьями. Они были настолько бескомпромиссны, настолько подчас жестоки к художникам, но при этом справедливы и точны, что все только диву давались. Включая Дану. Она никак не могла уразуметь, откуда у подруги взялся такой дар критика. Пока она училась, он не ощущался даже в зародыше — и вдруг выпрыгнул

из каких-то глубин, как черт из табакерки. Эта была тайна, проникнуть в которую у Даны не было никакой возможности, так как Марина решительно пресекала любые подобные попытки. И Дана вскоре от них отказалась, как от безнадежного дела. Вот только осталась зависть к подруге, к ее удаче; ведь от нее, Даны, она отвернулась. И пока что-то не собиралась поворачиваться к ней передом.

Дане было нелегко сдерживать свои чувства, притворяться, что рада успехам подруги. На самом деле ею владела черная зависть. Но ее приходилось подавлять — поссориться с Мариной она не могла себе позволить. Тогда уж точно она окажется на самой обочине.

Марина задерживалась, Дана от нечего делать решила заняться рисованием. Из сумки достала блокнот и стала набрасывать на бумагу открывающейся из кафе вид на улицу. В академии она считалась хорошей рисовальщицей, чем очень гордилась. А потому боялась утратить эти навыки и тренировала их при первой возможности. И даже слегка подрабатывала в одной журнале, иллюстрирую в нем статьи. Но это были смешные деньги, которых едва хватало на самые насущные нужды. А вот со станковой живописью дела не ладились; она писала много, но интереса ее картины не вызывали. Удалось продать всего несколько полотен и то за мизерные суммы. И это

обстоятельство вызывало у Даны отчаяние, которое она тщательно скрывала от посторонних.

Ситуацию усугубляло то, что Дана никак не могла понять, что же с ней случилось, почему она так пишет, что ее работы не вызывают интереса. Ведь в академии ее полотна постоянно хвалили, да она и сама ощущала, что у нее неплохо получается. Нужно сделать только рывок, и тогда все будет просто замечательно. С этим чувством она завершила учебу, будучи уверенной, что ее ждет замечательное будущее. Она работала по десять часов в сутки, но никакого продвижения вперед не было. Да она и сама видела, что это все не то. Как будто что-то оборвалось внутри нее, а соединить обрыв никак не удавалось. Иногда отчаяние было таким сильным, что Дана садилась и плакала. Становилось немного легче, но ненадолго.

Дана так увлеклась рисованием, что не заметила появление Марины. Та незаметно подкралась к ней и несколько минут наблюдала, как Дана рисует.

— Отличный рисунок, — произнесла Аничкова.

От неожиданности Дана вздрогнула, и лишь затем подняла голову и посмотрела на подругу.

— Извини, опоздала, — как ни в чем ни бывало проговорила Марина. Она села за столик. — Хочу есть, но сначала кофе. Ты еще не заказывала?

— Ждала тебя, — ответила Дана.

Аничкова посмотрела на нее и не стала скрывать усмешки. Дана почувствовала раздражение, ее давно злила эта манера подружки откровенно показывать свое превосходство. В данном случае денежное. Да, у нее, Даны, с деньгами плохо, а у Марины хорошо, но можно же не выпячивать это обстоятельство, вести себя более тактично. Но она явно не собирается так поступать. Ей, Дане, придется либо встать и покинуть кафе, либо смириться.

Марина повелительным жестом подозвала официанта. Тот примчался к ней на всех парах. Аничкова продиктовала заказ для себя и для Даны, даже не поинтересовавшись, а что та желает.

— Сегодня был суматошный день, даже не успела, как следует поесть, — пожаловалась Марина. — А что у тебя?

— У меня ничего, — пожала плечами Дана. — С заказами совсем плохо.

Аничкова бросила на нее быстрый взгляд.

— С заказами я тебе немного помогу. Ничего особенного, но все деньги.

— Спасибо. — Дана вдруг поймала себя на том, что испытывает к ней благодарность. Хотя минуту назад хотелось ее ударить.

— Сейчас принесут еду, и я тебе кое-что сообщу важное. Не люблю серьезно разговаривать

на пустой желудок.

Дана с надеждой посмотрела на подругу. Возможно, она все же не совсем к ней справедлива. Если быть честной с собой, то ее гложет зависть, которую она не в силах перебороть.

Официант принес заказ, и Дана почувствовала, как сильно проголодалась. Ничего удивительного, ей ведь приходится экономить на всем, включая еду. Пожалуй, Марина права и в этом, пока не поешь, ни о чем важном и серьезном говорить не хочется.

— В этом кафе вкусно кормят, поэтому я тебе и предложила тут встретиться, — сказала Марина, с аппетитом поедая стейк. — Как же все-таки хорошо, когда можно вот так поесть.

— И фигуру не боишься испортить? — поинтересовалась Дана.

— Боюсь, — призналась Марина. — Сама знаешь, за все нужно платить. После этого пиршества придется посидеть на диете. Фигура — это мое важное оружие, которое должно стрелять безотказно. Вот тебе, Дана, повезло, сколько не съешь, не толстеешь. Ты и не представляешь, какое это счастье.

Это действительно было так, в независимости от съеденного вес у Даны не менялся. И она бы с большим удовольствием пользовалось этим свойством своего организма более активно, если бы

позволяли средства. Дана даже не некоторое время перестала есть; всякий раз мысль о деньгах портила настроение.

— Ты давно была у Нефедова? — поинтересовалась Аничкова.

Вопрос Дану удивил, она знала, что Марина терпеть его не могла, обзывала всякими обидными словами. С чего это вдруг интерес?

— Да, вообще уже давно.

— И напрасно. Вы же были друзья? — Аничкова пристально посмотрела на Дану.

— Мы и не ссорились, просто не встречаемся.

— Тебе надо восстановить с ним контакты.

— Зачем?

— Им интересуются коллекционеры, галеристы. Я хочу написать о нем статью.

— Так, напиши, в чем же дело?

Марина отрицательно покачала головой.

— Не получится. Ты же знаешь, он меня к себе не подпустит. Еще со времен учебы в Академии, он меня на дух не переносил.

Дана это знала, Нефедов считал Аничкову никчемной и абсолютно бездарной. И полагал, что в Академии художества делать ей нечего. Несколько раз он ей высказывал это мнение открыто.

— Что же делать? — спросила Дана.

— Помоги мне, уговори его принять меня,

показать свои последние работы. Подумай, ты же женщина, а он мужчина. Он в тебя влюблен со времен Академии.

— Когда это было, — махнула рукой Дана. — К тому же я не ответила ему взаимностью.

— Так ответь.

— И что я должна сделать?

— То, что захочет от тебя мужчина — только и всего, — улыбнулась Аничкова.

— А если Нефедов захочет переспать со мной?

— В чем проблема, одним мужчиной больше, одним меньше, что это меняет.

— Павел не в моем вкусе. Ты же помнишь, он маленький и некрасивый. Почти урод. К тому же стал лысеть.

— Что же тут удивительного, ему же уже лет сорок пять.

— Всего сорок.

— Послушай, если нужно для дела, кто же обращает внимания на такие мелочи. Думаешь, я сплю только с красавцами.

Дана с любопытством посмотрела на подругу, впервые она слегка приподняла завесу над этой стороной своей жизни. Дана с большим интересом послушала бы продолжение рассказа на эту тему, но Марина явно не собиралась и дальше удовлетворять ее любопытство.

— Ладно, я тебе кое-что приоткрою. Статья про Нефедова — это требование Гершовича. Он хочет его продвигать, считает, что он перспективен. И надо привлечь к нему внимание публики. Если бы не это, думаешь, стала бы я тебя о таком просить.

— И в чем тут мой интерес? — спросила Дана.

— Я предлагаю тебе бартер. Ты помогаешь мне проникнуть к этому нелюдиму, а я тебе... — Аничкова сделала эффектную паузу.

Дана превратилась вся во внимание. Интуиция подсказывала ей, что сейчас она услышит нечто важное для себя.

— Что же я получу взамен?

— Я тебе помогу выставить твои работы в галерее Гершовича.

— Ты не шутишь? — не поверила Дана.

— Не беспокойся, я говорю серьезно. У меня с ним завязались хорошие контакты.

Дану охватило сильное волнение. Гершович был один из самых известных, если не самый известный галерист Москвы. Выставляться у него было очень престижно и очень выгодно, так как становилось гарантией того, что твои работы раскупят или он купит их сам, причем, по очень выгодной цене. Не случайно, некоторые его сравнивали с Третьяковым. Даже если это

сравнение было сильно преувеличенным, но в все равно оно говорило о многом. О том, чтобы Гершович обратил бы на нее свое благосклонное внимание, Дана и не мечтала.

— Этого не может быть, потому что не может быть никогда, — выдохнула она.

— Ты права, еще недавно этого быть не могло, но сейчас вполне может быть, — возразила Марина. — Он затевает один проект, очень амбициозный. Он назвал его по моей подсказке: «Лучшие художники будущего». Он собирается отобрать самых талантливых молодых авторов и устроить грандиозную выставку. И не только в России. Даже если он возьмет у тебя хотя бы три картины, ты уже будешь на коне. Теперь все поняла?

— Теперь поняла.

— Так бартер у нас с тобой будет?

— Я очень постараюсь, Марина, — пообещала Дана.

2

Дана сидела в своей квартире-мастерской. Она считала, что ей крупно повезло, что удалось относительно дешево снять помещение, в котором можно было и жить и работать. Впрочем, за дешевизну приходилось платить тем, что ее

жилище пребывало довольно в печальном состоянии и давно требовало ремонта. Часть обоев отклеилось, с потолка периодически сыпалась штукатурка, половые доски при ходьбе противно скрипели, а некоторые вообще едва держались. Когда Дана впервые попала сюда, ей стало нехорошо, захотелось тут же убежать. Остановила только цена. Но со временем она привыкла к такому интерьеру и уже мало обращала на него внимания. Бывают помещения и похуже, она такие видела.

Сейчас же ее вообще это не интересовало. Дана сидела на стуле и обдумывала услышанное от Марины. Перед ней стояло несколько сложных задач, решить которых было совсем не просто. Во-первых, предстояло возобновить отношения с Нефедовым. А Дана не была уверена, что тот согласится на это. То был человек, которого она плохо понимала, хотя была с ним знакома уже немало лет.

Нефедов был не просто самым старшим на их курсе, а по сути дела принадлежал другому поколению. Чтобы поступить в Академию, он бросил предыдущую работу. Дана не были известны все детали; вроде бы он был далеко не самым последним человеком в какой-то крупной компании, заведовал исследовательским сектором, получал хорошую зарплату. И даже являлся

кандидатом не то химических, не то физических наук — точно она не знала, да и не интересовалась. И вот он все бросил и стал учиться на художника, когда ему было уже довольно далеко за тридцать.

Так получилось, что их места в учебном классе оказались по соседству, и они стали общаться. Как мужчина Дане он совершенно не нравился, а вот разговаривать с ним было интересно. К тому же и преподаватели, и студенты почти сразу признали в нем большой талант, и это привлекало к нему всеобщее внимание. Дана даже немного гордилась тем, что Нефедов выделял ее среди остальных сокурсников. Однажды он пригласил ее на свидание, Дана, сама не зная точно, почему и зачем, согласилась. И во время их встречи она поняла, что он к ней сильно не равнодушен.

Дане не хотелось рвать с ним отношения, но и ответить на его чувства при всем своем желании была не в состоянии. Уж слишком он был не привлекателен: не просто маленький, а скорей тщедушный, с некрасивым лицом. Она и представить не могла, что с ним можно лечь в одну постель и заняться любовью. С ее точки зрения то было сродни извращению.

Поэтому она избрала выжидательную тактику, не говорила: «нет», но и не соглашалась на сближение. К ее удивлению, Нефедов все это стоически сносил, периодически делал робкие

попытки сделать их отношения более близкими. Дана на эти поползновения отвечала стандартно, что пока к этому не готова. Ее кавалер молча принимал ее объяснения — и все продолжалось в том же духе.

Их отношения резко изменились вскоре окончания Академии. Однажды Нефедов пригласил ее в ресторан, что ему было абсолютно не свойственно — она знала, что он не любил подобные заведения. Это ее удивило, но в тот момент не насторожило. И напрасно. После короткого предисловия он сделал ей предложение руки и сердца.

Почему-то для Даны оно стало громом среди ясного неба. Несколько минут она лихорадочно искала ответ. Замуж за него она не собиралась, но и рвать дружбу с ним не хотела. Как художник он был полезен для нее, она училась у него и хотела продолжать эту свою учебу дальше. И поэтому ей было крайне трудно найти подходящие слова.

Дана начала бормотать про свою неготовность к семейной жизни, про то, как ценит их дружбу и много еще всего. Нефедов молча слушал ее, при этом его лицо, как у сфинкса, оставалось совершенно неподвижным. «Я понял тебя», — произнес он после того, как она закончила свой невразумительный спич. И как ни в чем ни бывало продолжил прерванный его предложением и ее

ответом на него разговор. Дана же чувствовала себя крайне неловко, ей хотелось только одного — как можно быстрее завершить их встречу.

С того памятного дня минуло больше года, за это время они не только ни разу не встретились, но ни разу не позвонили друг другу. До Даны через общих знакомых изредка доходила информация о нем, но никаких попыток возобновить отношения никто из них не предпринимал. И вот теперь придется это сделать.

От Нефедова мысли Даны плавно перетекли к Гершовичу. Точнее, к его проекту. Марина абсолютна права, чтобы попасть в него можно пойти на любые ухищрения и жертвы. Это тот шанс, который она так тщетно искала. И если она его упустит, возможно, на всей ее дальнейшей карьере художника можно поставить жирный крест.

Дана встала и подошла к стоящим возле стены своим полотнам. Стала внимательно рассматривать их, прикидывая, что можно предложить галеристу. Она отобрала несколько картин — они должны ему понравиться. Она считает их своей удачей. А если нет? Он известен своей требовательностью, подавай ему только самое первоклассное. Этому человеку трудно угодить. Трудно, но надо, другого выбора у нее просто нет. И ее путь лежит через Нефедова. Да, Марина и на этот раз права, если понадобится, она ляжет с ним в постель. И ничего с ней ужасного

не случится. Подумаешь, будет немного неприятно. Но ей к этому не привыкать, в последнее время неприятностей у нее хватает. Если будет одной больше, ничего в ее жизни кардинально не изменится. Зато она сможет достигнуть того, о чем мечтала едва ли не с детского возраста, как только осознала свою страсть к рисованию. Все были в восторге от того, как она это делает. И так же все дружно хвалили ее, предсказывая великое будущее. И она прониклась этим ощущением, жила им и готова ради этой цели пожертвовать многим. Вот только к ее удивлению, никто брать ее жертвы не хотел.

Сейчас или никогда, решила Дана. А значит, ее первый шаг должен быть сделан в направлении Павла.

3

Они сидели за столом, и пили чай. Нефедов не спускал глаз со своей гостьей; в этом взгляде Дане казалось, что смешались обожание и недоверие. Впрочем, возможно это была всего лишь ее интерпретация, а на самом деле этим человеком владеют совсем другие чувства. Ведь, если быть честной с самой собой, она никогда по-настоящему его не понимала. Да и не старалась понять.

Когда Дана позвонила ему, то очень боялась,